

Научная статья
УДК 343.342, 323.28
doi: 10.17223/15617793/516/23

Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью

Константин Викторович Корсаков^{1, 2}

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
² Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
^{1, 2} korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. Произведен научный анализ различных аспектов вовлечения российской молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Описаны современные приемы и методы склонения и вербовки в ряды террористов и экстремистов. Дано характеристика стадий вербовки, основных причин и предпосылок вступления молодых граждан России в экстремистские и террористические организации. Сформулированы новые направления, пути и меры противоборства вовлечению молодых людей в экстремистские и террористические структуры.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, национальная безопасность, вовлечение в преступные формирования, российская молодежь, система борьбы с преступностью, профилактика экстремизма, противодействие терроризму, вербовка в экстремистские структуры, террористическая угроза

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>

Для цитирования: Корсаков К.В. Противодействие вовлечению российской молодежи в ряды террористов и экстремистов как элемент системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 205–215. doi: 10.17223/15617793/516/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/23

Countering the involvement of Russian youth in the ranks of terrorists and extremists as an element of the system for combating terrorist and extremist activities

Konstantin V. Korsakov^{1, 2}

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
² Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
^{1, 2} korsakovekb@yandex.ru

Abstract. This article addresses the pressing and highly social problem of the involvement of young Russians in extremist and terrorist organizations. The issue is investigated based on the works of foreign and domestic specialists – legal scholars, criminologists, psychologists, and sociologists – as well as information obtained from a survey of Russian experts with extensive practical experience in combating terrorism and extremism (52 experts were surveyed). In studying the chosen problem, the following methods were used: comparative-historical, deduction and induction, formal-logical, comparison and extrapolation, contextual analysis, and content analysis. The research uncovered and described the historical roots, main trends, and causes of the growth and intensification of recruitment activity by representatives of extremist and terrorist structures targeting youth; identified gaps in the legislation regulating the sphere of countering involvement in terrorist and extremist communities; exposed current shortcomings in the mechanism for preventing the spread of terrorist and extremist ideology; and detailed the characteristics of contemporary Russian youth that make them susceptible to recruitment into the ranks of terrorists and extremists. Furthermore, the study examined the determinants of the sustained interest among young Russians in the activities of terrorist and extremist criminal groups; the primary methods and techniques currently used for persuasion and recruitment by terrorists and extremists; the stages of recruitment activity; the main motives for young Russian citizens joining extremist and terrorist structures; and the specifics of financing the networks and channels for involving Russian youth in the ranks of terrorists and extremists. A solution was also proposed for the current problem of how facts and events related to terrorist and extremist activities are covered in the mass media, aiming to prevent the generation of interest and desire among young audiences to join these activities. Based on the research results, reasoned and substantiated conclusions were drawn that the current system for combating terrorist and extremist activities requires updating and modernization. Consequently, the author has developed and proposed new, promising directions, pathways, and measures to counter the involvement of young Russians in extremist and terrorist organizations. It is

emphasized that these measures must be comprehensive and socio-legal in nature, encompassing both legal instruments for preventing this harmful criminal activity and measures of an organizational, technical, spiritual, moral, and socio-political nature.

Keywords: terrorism, extremism, national security, involvement in criminal formations, Russian youth, crime control system, prevention of extremism, counteraction to terrorism, recruitment into extremist structures, terrorist threat

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00881, <https://rscf.ru/project/25-18-00881/>

For citation: Korsakov, K.V. (2025) Counteracting the involvement of Russian youth in the ranks of terrorists and extremists as an element of the system for combating terrorist and extremist activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 516. pp. 205–215. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/23

Терроризм подобен вирусу. Он способен быстро распространяться, стремительно муттировать и приспосабливаться к окружающей среде.

Жан Бодрийяр. *Дух терроризма*

В настоящее время в нашей стране и в мире в целом наблюдается рост криминальной активности различных экстремистских и террористических организаций, которая заключает в себе существенную угрозу как национальной безопасности, так и всему мировому порядку. Кадровый состав этих формирований постоянно пополняется за счет молодежи из России и других стран, которую вербуют, привлекают к сотрудничеству, агитируют и рекрутируют агенты, пропагандисты, эмиссары и другие представители террористов и экстремистов. За последние десять лет из Российской Федерации в районы дислокации и действия международных террористических организаций (Афганистан, Египет, Пакистан, Палестина, Сирия, Эфиопия и др.) выехало свыше 15 000 молодых людей, а русский язык в настоящее время является третьим – после арабского и английского языков – по распространенности среди членов ближневосточных и иных террористических группировок [1]. Немалая часть завербованных террористами и экстремистами молодых людей остается на территории России, чтобы выполнять их приказы и директивы, включая распоряжения совершать теракты, диверсии и убийства, похищать людей, захватывать заложников, распространять и популяризировать экстремистские идеи и вовлекать в криминальную деятельность новых участников.

В наши дни 75% состава террористических и экстремистских сообществ составляют люди молодого возраста – от 14 до 35 лет [2]. Сегодня молодые люди, завербованные экстремистами и террористами, обнаруживаются практически во всех регионах России, наибольшее их число наблюдается в мегаполисах и крупных городах; среди них и студенты, и учащиеся школ, и спортсмены, и военные, и рабочие, и госслужащие, и предприниматели, и безработные. По мнению французского социолога М. Веверки, в современном нам мире абсолютно каждый молодой человек может стать мишенью информационно-психологического воздействия со стороны распространителей идеологии экстремизма и терроризма [3]. Отечественные специалисты фиксируют усиление активности представителей террористов и экстремистов в интернетах, детских домах, подростковых клубах, секциях и учреждениях уголовно-исполнительной системы (ИК,

ВК, СИЗО, ПФРСИ). В ходе произведенного нами в рамках настоящего исследования опроса российских экспертов и обладающих большим практическим опытом борьбы с терроризмом и экстремизмом специалистов-правоприменителей (было опрошено 52 эксперта) большинство из них выделило данную тенденцию как особый тревожный тренд последних лет. В орбиту пристального внимания последних попадают все категории молодежи, независимо от пола, образования, национальности, социального статуса, профессии, вероисповедания и пр. Особенно интенсивно агитаторы и пропагандисты действуют в Интернете и коммуникативных каналах связи (социальных сетях, мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber, WeChat, Snapchat, Threema и др.), на популярных у молодежи форумах и сайтах, в блогах, тематических чатах,ложениях для гаджетов, диалоговых и игровых платформах и т.д.), причем для получения и анализа личной информации с целью последующего налаживания доверительных отношений вербовщики нередко заражают компьютеры, планшеты и смартфоны молодых россиян вирусными программами, которые похищают и передают им их персональные данные.

Такие свойства международной сети Интернет, как информационная свобода, возможность анонимного общения (за счет анонимайзеров, VPN (Virtual private network) и т.д.) и неограниченность пользовательской аудитории, позволяют пропагандистам и идеологам террористических и экстремистских группировок беспрепятственно и беспрерывно общаться с молодыми людьми по всей России [4], отличающейся одним из самых либеральных законодательств в области регулирования интернет-пространства. Особенно результативными являются склонение и вербовка в социальных сетях ввиду того, что, во-первых, личные данные, размещенные пользователем на его странице, часто вполне достаточны вербовщику для оценки перспектив и начала процесса вовлечения, во-вторых, в них, как правило, имеет место зацикливание внимания посетителей на определенной информации и интересующих их темах, сопровождающееся игнорированием и отгораживанием от других, противоположных данных, не согласующихся с их взглядами и предпочтениями, что в условиях дефицита альтернативных мнений, позиций и сведений ведет к укреплению уже имеющихся у них убеждений и воззрений. Также нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большой сегмент неподконтрольного государственным органам виртуального пространства,

ориентированный прежде всего на социальную и политическую активную и критически мыслящую молодежь, до сих пор функционирует по деструктивной и вредоносной схеме противопоставления политической власти, государства и общества, граждан.

В данных условиях молодые граждане незаметно и с легкостью переходят грань между полемикой, диспутом, борьбой мнений и точек зрения, мировоззренческих позиций и политических взглядов и социально опасным поведением экстремистской направленности. Подчеркнем, что основная цель вербовочной активности экстремистов и террористов – получение новых молодых бойцов, помощников (по данным авторов, которые продолжительное время находились в местах дислокации террористических формирований и использовали метод включенного наблюдения или подвергались вербовке, помимо боевиков террористы активно рекрутируют в свои ряды программистов, медиков, переводчиков, поваров, специалистов по вооружению, механиков, инженеров [5, 6]), сателлитов и исполнителей приказов и заданий руководства экстремистских и террористических структур, а равно распространение и популяризация идеологии экстремизма (ранее повсеместно используемое в советской печати слово «радикализм» было небезосновательно вытеснено и сменилось к настоящему времени словом «экстремизм» в силу того, что имманентная экстремизму действенная характеристика заключает в себе особую опасность и отличает его от радикализма, который прежде всего фокусируется на содержательной стороне тех или иных крайних идей, убеждений и взглядов и поэтому является идейным, а не действенным, как экстремизм, который всегда является действенным, активным).

В то же время механизмы и формы вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации и результативные, действенные способы противостояния ей не получили достаточной проработки в научных исследованиях, не в полной мере изучены подоплека, содержание, специфика и характер этой криминальной активности, ее технико-организационное обеспечение, ее сети, каналы, тенденции и оптимальные и наиболее эффективные пути и методы борьбы с ней. Между тем очевидно, что существенное повышение эффективности системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью возможно за счет лишения последней постоянной кадровой подпитки в лице российской молодежи. В этой области наблюдаются существенные и не преодоленные до сих пор проблемы, трудности и упущения, о чем наглядно свидетельствует имеющаяся практика. Примерами таковой являются теракт в метро г. Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г., который осуществил гражданин России 22-летнийсмертник А. Джалилов, завербованный агентами ИГИЛ и Джебхат ан-Нусра, прошедший обучение в лагерях боевиков в Сирии; теракт завербованного ИГИЛ 19-летнего А. Гаджиева в г. Сургуте 19 августа 2017 г. Тем не менее нельзя отрицать и наметившиеся в последнее время успехи в контрвербовочной работе российских правоохраните-

тельных органов: так, в 2022 г. ФСБ России обезвредила 24-летнего вербовщика террористической организации ИГИЛ, который в г. Москве и других городах пропагандировал радикальный ислам и вовлекал молодежь в террористическую деятельность, в том числе посредством социальных сетей и мессенджеров. В том же году в Дагестане, г. Москве и г. Воронеже отечественные спецслужбы произвели задержание шестерых участников запрещенной в России международной экстремистской группировки Ат-Такфир валь-Хиджра, которые активно распространяли идеологию этой преступной организации, а также вербовали в нее новых членов¹.

В советской криминологической и уголовно-правовой науке проблематика радикализации молодежи практически не затрагивалась, однако следует отметить, что, проявляя научную смелость, прозорливость и проницательность, на нее обращали внимание в своих выступлениях на научно-практических мероприятиях и пользовавшихся в Союзе ССР большой популярностью публичных лекциях в разных городах страны такие ее видные представители, известные своими фундаментальными трудами в области ювенальной преступности, как Е.В. Болдырев, Г.М. Миньковский и выдающийся криминолог А.Л. Ременсон – председатель секции социологии права Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, один из основоположников томской уголовно-правовой научной школы. На рубеже XIX–XX вв. эта острогоциальная проблема заявила о себе обществу и государству в полном объеме, «встала во весь рост» и привлекла к себе в силу этого должное исследовательское внимание [7–9]. Заметим, что в советский период времени также существовали активно привлекавшие в свои ряды подростков и молодежь экстремистские и террористические объединения, в отношении которых велась контрпропагандистская и иная профилактическая работа; среди них можно выделить такие экстремистские и террористические формирования, как Союз борцов за освобождение Литвы, Организация украинских националистов, Перконкурастс, «лесные братья», военно-террористическое крыло партии Дашиакутюн, антисоветское вооруженное националистическое движение в Средней Азии, известное как «басмачество», и др. Особый научно-исследовательский интерес представляют молодежные общества правого и националистического толка – «Пласт», «Сич», «Сокол», «Луг» и т.п., образованные по типу скаутских, пластунских, военно-патриотических (большинство зачисленных в них несовершеннолетних носило военную форму) и пожарно-спортивных обществ в Западной Украине и поддерживающиеся властями Австро-Венгрии, в состав которой в ту пору входила эта территория. Достаточно отметить, что свое вхождение в сферу радикального национализма, терроризма и преступного коллaborационизма один из известных лидеров и организаторов украинского националистического движения Степан Бандера начал именно с вступления в 1922 г. в военно-патриотическое объединение для дошкольников и школьников «Пласт», а позже, немного повзросле-

лев, примкнул к Союзу украинской националистической молодежи. Помимо Степана Бандеры такую хорошо организованную «подготовительную школу» прошли многие идеологи, руководители и рядовые бойцы западноукраинского террористического и бандитского подполья (Иван Гриньох (капеллан фашистского батальона «Нахтигаль»), Роман Шухевич и др.), а обозначенные выше молодежные организации возрождаются и действуют сегодня во многих странах Европы².

Приводящиеся в справочно-аналитических материалах Национального антитеррористического комитета Российской Федерации и иных профильных учреждений (Антитеррористический центр государств – участников СНГ и др.) сведения говорят о возросших масштабах вовлечения молодых граждан России в деятельность запрещенных на территории РФ экстремистских и террористических объединений и движений, таких как Аль-Каида, Айдар, Аум Синрике, Боко Харам, Колумбайн (Скулштутинг), ИГИЛ (ДАИШ), ХАМАС, Джунд аш-Шам, Братья-мусульмане, Правый сектор, УНА-УНСО, Сеть, Джебхат ан-Нусра, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами и др³. В то же время сформировавшаяся к настоящему времени в Российской Федерации система борьбы с террористической и экстремистской деятельностью, включая распространение соответствующей преступной идеологии, сохраняет свои слабые стороны: она недостаточно укреплена в информационно-техническом отношении (в частности, не использует в должной мере современные высокопроизводительные аппаратно-программные комплексы и технологии искусственного интеллекта), специализированные субъекты профилактики и противодействия продолжают испытывать трудности и проблемы ресурсного и информационного плана в выявлении, пресечении и предупреждении действий по вовлечению молодежи в террористические и экстремистские организации и нуждаются в инновационных программных продуктах, научно-практических рекомендациях и методическом обеспечении, научно обоснованных системных алгоритмах работы, а также в совершенствовании нормативно-правовых актов, прямо либо косвенно затрагивающих эту сферу криминологической и уголовной политики.

Полагаем, что совершенствование нормативного базиса системы борьбы с террористической и экстремистской активностью следует начать с преодоления запрета на государственную идеологию установленного в ст. 13 Основного закона России, так как отсутствие общегосударственной идеологии во многом мешает борьбе за умы молодежи в современных усложнившихся реалиях, потворствует распространению в молодежной среде идеологии экстремизма и терроризма, перманентно заполняющей, следуя известному диалектическому закону, образовавшейся идеологическую брешь. В этом плане нельзя не согласиться с Н.П. Голяндным и А.В. Горячевым, сосредоточившими свое внимание на экстремизме в религиозной и этнической сферах, в том, что «поскольку речь идет о внедрении в сознание людей определенных идеологи-

ческих установок, покончить с экстремистской пропагандой с помощью одних лишь репрессивных мер невозможно. Религиозно-возрожденческой идеологии должна быть противопоставлена иная идеология» [10. С. 40]. Подчеркнем, что структурные составляющие, обнаруживающие в своих недрах четкую агитационно-пропагандистскую матрицу трансляции, идеологии экстремизма и терроризма при их непрерывном и настойчивом утверждении, способны закрепляться в молодежной среде не только на уровне повседневного бытового общения, но и в свойственной ей субкультуре словоупотребления (именно так в молодежный сленг вошло используемое джихадистами арабское слово «китихари», означающее террористов-смертников). В условиях отсутствия зрелой, четкой, понятной всем и закрепленной в законе общегосударственной идеологии ценностно-духовный мир молодежи под постоянным воздействием экстремистской и террористической пропаганды меняется и трансформируются таким образом, что агрессия, ненависть, жестокость и насилие по отношению к другим людям становятся оправданными, обоснованными и нормальными. Эти изменения и трансформации вполне закономерны и объясняются концепцией социального когнитивизма (социального научения) А. Бандуры, широко известного своими научными работами по подростковой агрессии и насилию [11].

Несмотря на острую критику идеологизированной советской системы воспитания подрастающего поколения, обрушившуюся на нее уже с первых десятилетий существования Союза ССР (в частности, английская писательница и автор книг о женщине-трикстере Мэри Поппинс П. Трэверс после поездки в СССР в 1932 г. с целью ознакомления с новыми методами воспитания детей и подростков в своем сборнике «Московская экскурсия» охарактеризовала их крайне негативно, а само советское государство назвала «Империей Зла»), последнюю, по прошествии времени и в сравнении с существующей ныне, следует признать вполне успешной в плане профилактики радикализации и криминализации детей и молодежи. Не случайно во многих регионах России сегодня возрождается и нормативно закрепляется на местном уровне практика наставничества – институт общественных воспитателей, который успешно функционировал в советское время, причем общественными воспитателями, которые брали на поруки трудных подростков и возвращали их, в том числе и на личном примере (что согласно педагогическим доктрина А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского особенно эффективно), к нормальному, социально одобряемому образу жизни, часто становились состоящие в комсомоле студенты старших курсов юридических вузов и факультетов – СЮИ им. Р.А. Руденко, СЮИ им. Д.И. Курского, юрфака ЛГУ им. А.А. Жданова, юрфака ТГУ им. В.В. Куйбышева и др.⁴

Как нормативно-правовую основу, так и практику противодействия вовлечению российской молодежи в число террористов и экстремистов возможно усилить и укрепить за счет официального включения в систему борьбы с террористической и экстремистской идеологией молодых, инициативных и не равнодушных к

остросоциальным проблемам представителей гражданского общества, часто объединяющихся в волонтерские общественно полезные группы и сообщества. Примером последних может служить «Кибердружина» – созданное в 2011 г. добровольное (волонтерское) молодежное общественное движение, участники которого на регулярной основе выявляют запрещенный в России экстремистский контент в Интернете и сообщают о нем в правоохранительные органы. Проект федерального закона о кибердружинах, предусматривающий выделение на их нужды средств из региональных бюджетов и предоставление их участникам различных льгот и мер поддержки, а также обязывающий российские правоохранительные структуры, органы государственной власти и местного самоуправления помогать и сотрудничать с кибердружинниками, был подготовлен инесен в Государственную Думу Российской Федерации, однако такой закон так и не был принят⁵.

Внимательный исследовательский анализ механизма предупреждения вовлечения российской молодежи в ряды террористов и экстремистов позволил нам выявить существенные недостатки на стадиях ранней криминологической профилактики этого вида преступной активности, прежде всего в период, когда молодой гражданин получил соответствующую информацию от агитаторов и вербовщиков и находится на этапе формирования мотива и установки на вступление в ряды экстремистов. Между тем эта фаза наиболее важна, так как еще возможны отказ от таких намерений и ограждение молодого россиянина от роковых и необдуманных поступков (очевидно, что разубедить и переориентировать молодого человека, пока еще не оказавшегося в рядах террористической или экстремистской организации, но по каким-то причинам собирающегося вступить в них, легче и проще, чем того, кто уже находится в составе таковых), в том числе и путем осуществления безотлагательных, оперативных и интенсивных мер психолого-педагогического влияния, методов убеждающего воздействия, средств духовно-идеологического и морально-нравственного плана и др. Этот находящийся в настоящее время в проблемном и заброшенном состоянии профилактический фазис нуждается в более тщательном обеспечении со стороны субъектов системы предупреждения и в новых подходах и решениях, в частности, направленных на предоставление молодым людям реальных и достойных альтернатив противоправному поведению путем вовлечения их в социально полезные и востребованные обществом культурные, религиозные, спортивные, военно-патриотические и иные мероприятия и виды деятельности, соответствующие их возрастным особенностям, увлечениям и интересам. Также нельзя не обратить внимание на то, что часть молодых российских граждан, вступающих в наши дни в сообщества террористов и экстремистов, обладает различными акцентуациями и не исключающими вменяемости психическими отклонениями (антисоциальными психопатиями и пр.), нуждающимися в коррекции и лечении [12, 13], что необходимо учитывать в текущей профилактической деятельности, однако на практике эти особенности нередко не принимаются во внимание

и никакого особого, бережного квалифицированного психолого-педагогического подхода к таким представителям молодежи не применяется.

Криминологический мониторинг и многолетние наблюдения показывают, что вербовщики и пропагандисты экстремистских и террористических формирований проявляют повышенное внимание к тинэйджерам и более старшим по возрасту молодым россиянам, которые занимаются профессиональным либо любительским спортом, в особенности связанным с боевыми искусствами, единоборствами. Тренажерные залы, спортивные секции и клубы борьбы, бокса, карате, смешанных боевых искусств (ММА) и т.п. стали местами частого посещения соответствующих визитеров, нередко выдающих себя за спортсменов или же в реальности являющихся ими. Причем в отношении спортсменов вербовщики и рекрутеры предпочитают действовать не дистанционным способом (при помощи средств интерактивной или телефонной связи), а входить в доверие посредством личного, живого и непосредственного контакта. При этом ими используются такие особенности спортивной среды, как солидарность, особая приятельско-товарищеская система отношений, стремление спортсменов доминировать, проявить либо проверить свои лидерские и волевые свойства характера в каком-либо деле, нередко имеющие место в спортивной субкультуре культа физической силы и намерения воспользоваться своими навыками и мастерством в обычной жизни, которые при недостаточном внешнем контроле легко и беспрепятственно реализуются на практике (думается, что в том числе и этой спецификой руководствовался советский законодатель при помещении в УК РСФСР 1960 г. ст. 219.1 «Незаконное обучение каратэ»). В данной связи администрация и тренерско-преподавательский состав физкультурных и спортивных учреждений должны быть хорошо осведомлены о вербовочных рисках, методиках вербовки и не только оказывать помощь и содействие государственным органам в борьбе с вовлечением молодых людей в ряды экстремистов и террористов, но и быть способными самостоятельно пресекать таковое, а равно проводить контрпропагандистскую и воспитательно-разъяснительную работу со своими подопечными, используя при этом свой авторитет и статусное положение.

Не менее распространенными местами агитации, вербовки и иных форм вовлечения в терроризм и экстремизм являются богослужебные заведения (мечети, церкви, молитвенные (молельные) дома и др.)⁶. В них жертвами такого вовлечения чаще всего становятся неофиты и прозелиты, молодые люди, пока еще недостаточно хорошо разбирающиеся в сути и принципах того или иного вероучения. Помимо внушения им искаженных, неверно толкуемых и радикальных религиозных догм и постулатов (например, о необходимости военного джихада – вооруженной борьбы за распространение ислама и пр.), вербовщики очень часто распространяют ложные сведения об ущемлении религиозных прав и свобод, притеснении и дискриминации представителей той или иной веры (в частности, руководители боевого (террористического) крыла ИРА (Ирландской республиканской армии) вовлекали молодежь в свои ряды,

разжигая религиозную вражду и указывая на гонения и ущемления прав католиков в Великобритании), а равно националистическую и расистскую идеологию. Подчеркнем, что наибольшую опасность представляют агенты и сторонники экстремистов и террористов, которые проникли в ряды священнослужителей (в большей мере это характерно для негосударственных мечетей, святыни, капища и других мест поклонения).

В данной связи места отправления религиозных культов и духовные учебные заведения, к какой бы конфессии они не относились, должны постоянно находиться в орбите пристального внимания и сфере оперативно-розыскной активности со стороны специализированных субъектов системы борьбы с террористической и экстремистской деятельностью (включающей методы оперативного внедрения, использования специальных технических средств, агентурного обеспечения оперативной разработки и др.).

Подчеркнем, что в России на протяжении уже долгих лет объектами склонения и интенсивной вербовки выступают обладающие российским гражданством молодые мусульмане, являющиеся иммигрантами в первом или во втором поколении. Причем такая ситуация характерна не только для нашей страны, но и с начала XXI в. для большинства государств Европы, испытывающих массовый приток трудовых мигрантов, исповедующих ислам, из стран Азии и Африки [14–17]. Во многих описываемых странах, в частности в Великобритании и Канаде (миграционная система которой основывается на доктрине мультикультурализма и считается одной из лучших в мире), созданы и успешно применяются модели и программы социальной интеграции, аккультурации и адаптации внешних мигрантов. Положительный опыт их реализации вполне может быть перенят и использован Российской Федерацией, в том числе и для решения злободневного вопроса радикализации указанной группы населения, тесно связанной с изоляцией, геттоизацией, анклавизацией, дискриминацией, ксенофобией и другими негативными процессами и явлениями в миграционной сфере. Реализация этих практик, как мы убеждены, должна осуществляться параллельно с упорядочиванием и ужесточением существующего у нас механизма миграционного контроля, повышением степени юридической ответственности за нарушение норм миграционного законодательства не только мигрантов, но и должностных лиц контрольно-надзорных органов и российских работодателей.

За последнее время в России участились случаи вербовки молодежи в состав экстремистских и террористических сообществ в организациях общего, среднего и высшего образования (в них информационно-пропагандистская преступная активность часто приводит к формированию скрытых групп, ячеек и виртуальных сообществ эпигонов и сторонников экстремистской культуры и террористической идеологии, участники которых обмениваются экстремистской литературой, поддерживают тайную связь с радикалами и сами осуществляют деятельность по вовлечению в отношении других учащихся) и, как уже отмечалось выше, в учреждениях уголовно-исполнительной си-

стемы⁷. В последних в качестве агитаторов и пропагандистов выступают лица, осужденные за экстремизм и терроризм, поэтому в качестве контрмеры в борьбе с распространением в местах изоляции от общества идеологии терроризма и экстремистских взглядов, включая попытки получить новых сторонников и адептов, нами предлагается закрепить на подзаконном уровне принцип ограждения и сепаратного содержания осужденных, отбывающих уголовное наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, от остальных категорий осужденных, в особенности лиц молодого возраста.

Изучение способов и путей вовлечения молодых россиян в экстремистские и террористические формирования позволило нам выявить такой новый и распространяющийся в наши дни метод вербовки, как «вторая волна»: его суть заключается в том, что уже завербованные молодые люди, состоящие в рядах международных и иностранных террористических группировок и выехавшие по этой причине за границу, отправляются обратно домой, чтобы склонить и отправить к террористам других представителей молодежи – своих сверстников из числа родственников, близких, друзей, знакомых, соседей, одноклассников, однокурсников и т.д. В отличие от профессиональных и хорошо обученных вербовщиков-иностраниц, этих миссионеров, которым в силу целого ряда причин проще вступить в контакт и вызвать доверие у своих молодых сограждан, прежде всего ориентируют на вербовочную работу в «протестной среде» (на митингах, собраниях, шествиях, пикетах, маршах и пр.), а также в маргинализированных, пауперизированных и люмпенизованных слоях населения: нацеливают на социально неблагополучных подростков из семей с низким уровнем дохода, которые в силу воспитательно-педагогической запущенности, имеющихся у них мировоззренческо-психологической незрелости и легкомыслия способны быстро и беспрепятственно пополнить ряды боевиков-террористов. Последних заманивают и привлекают не только красивыми популистскими лозунгами и псевдоромантикой повстанческой борьбы, но и возможностью быстро, без труда получить очень высокий доход и реализовать свои потребности за счет финансовых средств, тратящихся на террористическую активность, значительно повысить качество жизни (хорошо одеваться и питаться, проживать в теплом климате, пользоваться поддержкой и уважением окружающих и пр.). Не только материальная нужда, безысходность и безработица, но и низкий уровень правового сознания, общей эрудиции и образования, проблемы в духовно-нравственном развитии и общий культурный кризис эпохи постмодерна формируют и подпитывают почву для склонения на сторону террористов данных представителей современной молодежи [18, 19]; усиливают и подкрепляют эти причины и предпосылки высокий уровень социальной напряженности в обществе, развитие идей сепаратизма в регионах и криминализация отдельных сфер социально-экономической жизни. В первую очередь для таких – наименее социально защищенных и обездоленных – подростков нами

предлагается организовать круглосуточную телефонную «горячую линию», оказывающую помощь и поддержку как молодым людям, ставшим объектами вовлечения, так и родителям и родственникам, столкнувшимся с вербовочной активностью в отношении членов их семей.

Иные причины возникновения интереса у определенной части российской молодежи к деятельности террористических и экстремистских структур связаны с тем, что эти сообщества способны удовлетворить не только материальные и физиологические, но и другие важные для молодых людей потребности и нужды. Среди них самоактуализация, самореализация, самоидентификация, которая невозможна без отождествления себя с определенной социальной группой, обретение принципов и целей в жизни, завоевание авторитета и уважения со стороны своих сверстников и старших, интенсивное и интересное общение с незаурядными личностями, участие в какой-нибудь активной коллектической деятельности, ощущение причастности к какому-либо важному и значимому делу. В своей работе вербовщики умело используют и оттачивают психологические приемы, выбирающиеся исходя из понимания подростковой (ювенальной) психологии и основывающиеся на юношеской повышенной внушаемости и чувствительности, импульсивности, нигилизме, максимализме и нонконформизме, ригоризме мышления и эмоциональной лабильности. Ими принимаются во внимание особенности и сложности переходного возраста, специфика мышления и миропонимания несовершеннолетних, недостаток жизненного опыта, неспособность критически оценивать свое поведение, а также современные религиозные и этнопсихологические установки и стереотипы, отличия этноконфессионального сознания верующих молодых людей и присущие им общинность и комплиментарность в отношениях с единоверцами, особенности позиционирования подростков в окружающем мире и сильное влияние на них микросоциальной среды – референтных и досуговых групп, проблемы одиночества и общественного безразличия и т.д. Перечень факторов и детерминантов, способствующих вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность современной молодежи, возможно дополнить присущими ей и вырабатываемыми у нее особенно в период общественных кризисов социокультурными предрассудками, иррациональными негативными убеждениями и страхами, вызванными депривацией, чувством несправедливости, неуверенностью в завтрашнем дне и переживаниями за свое будущее [20, 21]. В общении с молодежью вербовщиками из числа террористов и экстремистов нередко применяются методы манипуляции сознанием – воздействия на природно-психические и социально-психологические структуры молодого человека с целью установить контроль над его поведением, лишить его свободы мышления и направить в требуемом направлении, направленного внушения (суггестии) – интенсивного воздействия на сознание, при котором происходит некритическое восприятие им убеждений и навязываемых шаблонов поведения.

Особые подходы, схемы и способы склонения и вербовки разработаны экстремистами и террористами в отношении девушек и женщин: акцент в их вовлечении в криминальные процессы делается на эмоции и чувства – любовь, симпатию, привязанность, сочувствие, сострадание, жертвенность и т.д. [22–24]. Примером жертвы удавшейся вербовки с расчетом на чувства является студентка МГУ им. М.В. Ломоносова Варвара Карапурова (Александра Иванова), приговоренная в 2016 г. к 4,5 годам лишения свободы и освободившаяся из колонии общего режима условно-досрочно в 2019 г.: член террористической организации «Исламское государство» из г. Казани в ходе общения в социальной сети «ВКонтакте» расположил девушку к себе, убедил выйти за него замуж и переехать в Сирию, где он участвовал в боевых действиях на стороне ИГИЛ. Схожим образом в 2024 г. в УрФУ им. Б.Н. Ельцина несколько иностранных студентов из Афганистана (пуштуны и таджики по национальности), занимающихся спортом, исповедующих ислам (и в силу этого не имеющих вредных привычек) и обладающих привлекательной внешностью, знакомились с молодыми студентками-россиянками, выстраивали с ними личные доверительные отношения и впоследствии предлагали им принять мусульманство и уехать с ними на контролируемую талибами территорию Исламского Эмирата Афганистан⁸.

Вербочный процесс, как правило, включает три основных стадии. На первом этапе осуществляется поиск потенциальной жертвы, сбор и анализ информации о ней, выбор тактики и методики вовлечения и знакомство, при котором зачастую преступниками в диалогах всячески подчеркивается уникальность, весомость и значимость личности выбранного ими человека. При этом упор делается на то, что данный человек якобы не был оценен по достоинству, не реализовал себя в полной мере, был незаслуженно обделен обществом и государством; ему внушают, что он может стать частью чего-то значительного, великого, светлого и жизнь его преобразится: он обретет славу, почет, уважение, поддержку и авторитет. Если вовлечение проходит онлайн, интерактивным путем, то одним из расхожих вариантов действий вербовщиков на первом этапе является попытка втянуть пользователя Интернета в активную и эмоциональную дискуссию на какие-либо острые социально-политические темы. В случае, если жертва идет на контакт, проявляет интерес, лояльность или симпатии к взглядам и идеологии вербовщиков, ей гарантируют помочь, защиту, сопровождение и покровительство и предоставляют скрытые контакты экстремистских и террористических сообществ. После этого чаще всего объекту вербовки без какого-либо давления предлагается совершить несколько легких и доступных ему проверочных заданий и поручений (прежде всего те, которые можно сделать, не выходя из дома, в онлайн-режиме). После их успешного выполнения начинается вторая фаза вербовки, на которой идеологическая обработка (индоctrинация) усиливается, поручения усложняются и осуществляются попытки разорвать либо ослабить сложившиеся

социальные связи жертвы – подготовить основу для отрыва ее от семьи, друзей, коллег, привычного окружения. На заключительной, третьей стадии вербовки жертве предлагается вступить в ряды радикальной организации в качестве полноправного и постоянного члена и подчиняться ее правилам, включая исполнение любых распоряжений, инструкций и указаний руководства, реализовывать таковые либо в рядах террористической или экстремистской группировки за рубежом или выполнять их у себя на родине.

В арсенале методов и технологий вербовочной деятельности, активно применяемых в текущий период представителями террористов и экстремистов, следует выделить игрофикацию (геймификацию) – использование сетевых проектов и компьютерных игр, включающих особые алгоритмы и задачи. К подобным онлайн-разработкам и играм относятся включенный в Федеральный список экстремистских материалов сетевой проект русских ультраправых националистов «Большая Игра. Сломай систему», компьютерная игра «За свободу Ичкерии: БАМУТ» и др. Перед участниками интернет-проекта «Большая Игра. Сломай систему» ставились цели совершения диверсий и иных преступных деяний против существующего в России легитимного политического режима в формате игрового взаимодействия. Такие и копирующие их сетевые проекты используются как средство выявления и фиксации отдельных подростков и молодежных сообществ, внутренне готовых к экстремистской и террористической активности, а также как ресурс для сбора информации, разведки и фотографирования местности, доставки каких-либо грузов и совершения других действий, необходимых для подготовки и осуществления террористических актов и диверсий. Опасность подобного рода сетевых проектов и интерактивных игр заключается в том, что играющие в них молодые люди могут считать, что они участвуют в каком-то увлекательном и объединяющим их квесте, а на самом деле – удаленно использоваться террористами в преступных целях посредством ARG (Alternate reality games) – игр в альтернативной реальности, стирающим грани между геймплеем и действительностью и предполагающим как анонимность создателей и игроков (геймеров), так и непредсказуемость их сценария. Другими современными способами агитации и вовлечения выступают сетевая мультипликация – размещение и продвижение в Интернете фейковых коротких и запоминающихся анимационных роликов, клипов, фильмов и мультфильмов, прославляющих и выставляющих в наилучшем свете террористов и экстремистов и порождающих интерес к их криминальной идеологии и субкультуре, а равно челленджи и флешмобы, организующиеся и освещаются с помощью социальных сетей, веб-сайтов и популярных среди молодежи мессенджеров.

Так как указанные выше часто встречающиеся в киберпространстве и имеющие определенный успех методы и средства формируют ложные представления, иллюзии и социально-политические мифы в сознании российской молодежи – идеализируют, легендаризируют и порождают эффекты героизации и прославления террористов и экстремистов, формируют вокруг

них ореолы «мученичества», «праведности», «избранных» и т.п., – то должны встречать полномасштабные, решительные и адекватные им контрмеры и формы противоборства – блокировки, купирования инейтрализации, в том числе и прямо направленные на дегероизацию лидеров и участников террористических и экстремистских формирований, развенчание их ложных образов, ликов и ореолов.

В данной связи нами предлагаются следующие меры: расширение перечня субъектов, имеющих право на обращение в Роскомнадзор с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию экстремистско-террористического характера (в настоящее время, согласно ч. 1 ст. 15.3 ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, с таким требованием могут обратиться только Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители); массовый выпуск и распространение государственной и общественной социальной рекламы антиэкстремистского и контртеррористического содержания. Полагаем, что во всех школах, ссузах и вузах России любого уровня должна не только вестись постоянная разъяснительная и профилактическая работа (в виде публичных лекций, обсуждений, форумов, круглых столов и пр.), но и быть введен учебный курс кибербезопасности (обучения правилам безопасного поведения в сети Интернет) и защиты от распространения экстремизма и терроризма, а также специальные системы мониторинга и фиксации закрытых групп учащихся в социальных сетях для сбора информации о возможных проявлениях террористического и экстремистского характера в среде школьников и студентов. В отношении родителей школьников также, по нашему мнению, необходимо регулярно проводить разъяснительные мероприятия и популяризировать использование специальных компьютерных программ и сервисов «родительский контроль», дающих возможность предотвратить доступ несовершеннолетних к вредоносным интернет-ресурсам (Kaspersky Safe Kids, SkyDNS, ESET Parental Control и др.).

Помимо интернет-ресурсов выделенные нами отрицательные эффекты, синдромы и последствия могут вызвать информация в СМИ любой формы, в особенности телевизионных СМИ [25, 26]. Эта проблема поднимает дискуссионный вопрос, как освещать связанные с террористической и экстремистской деятельностью факты и события в российских и международных СМИ, чтобы избежать таких последствий. Мы считаем, что информационный контент (например, телевизионные программы формата «Криминальная Россия. Современные хроники», «Документальный детектив», «Дорожный патруль» и пр.), в котором просто освещаются те или иные факты и события, без их критической и негативной оценки либо без подчеркивания успехов правоохранительных органов в борьбе с ними (в этом плане показательны телепрограммы «Вести. Дежурная часть», «Расследование Эдуарда Петрова» и цикл документальных фильмов «Приговоренные пожизненно» (оказывавший

особенно сильное эмоционально-психологическое воздействие на зрителей), в которых всегда делались и делаются соответствующие акценты), недопустим. На наш взгляд, это правило следует распространить на печатные СМИ и (в его расширенном понимании) на продукцию отечественной киноиндустрии.

Обратим внимание, что на веб-сайтах, которые создаются (как правило, за рубежом, в иностранных юрисдикциях) либо используются популяризаторами и агитаторами экстремистов и террористов, содержится не только вербовочный контент, но и практическая информация о том, как вести себя в обществе, чтобы не быть раскрытым и не вызвать подозрения, как правильно общаться с сотрудниками правоохранительных органов и другими представителями власти, как производить хакерские атаки на информационные ресурсы, как самостоятельно изготовить взрывное устройство или же «коктейль Молотова» и т.п., как незамеченным добраться до мест базирования крупных террористических формирований и многое другое. Запрещение и массовая блокировка таких сайтов сегодня довольно затруднительны: должным образом не разграничены участки и зоны юридической ответственности между интернет-провайдерами, создателями, владельцами и модераторами за размещение и распространение экстремистской информации, отсутствуют специальные международные соглашения и наднациональные нормативные акты, регламентирующие порядок прекращения работы веб-узлов, порталов и аккаунтов, содержащих противозаконную информацию, а равно процедуры блокирования доступа к ним.

Считаем, что юридическая ответственность (уголовная, административная, гражданско-правовая и др.) за правонарушения, связанные с распространением экстремистской информации в сети Интернет, должна быть четко определена и прописана для всех субъектов киберпространства, а также в значительной мере уже-стечена; отчасти это возможно посредством введения в России федерального закона по типу принятого в Германии в 2017 г. нормативного правового акта – «Закона о защите прав пользователей сети» (Network Enforcement Act, Netzwerkdurchsetzungsgesetz, NetzDG), который предусматривает штраф до 50 млн евро, если социальная сеть (медиа-платформа) самостоятельно и оперативно не удаляет появившийся в ней незаконный – террористический либо экстремистский – контент (согласно принятому в Великобритании в 2023 г. «Закону о безопасности в Интернете» (Online Safety Act 2023) штраф за такое нарушение составляет до 18 млн фунтов стерлингов или же до 10% от годового финансового оборота платформы социальной сети)⁹.

Помимо организационно-технического и нормативно-правового решения данных проблем, на наш взгляд, следует сформировать постоянно пополняющуюся единую информационную базу, предназначенную для всех российских правоохранительных ведомств, о вовлечении в экстремистскую и террористическую деятельность. Полагаем, что также необходимо заниматься постоянным совершенствованием работы российских органов правопорядка, противостоящих экстремистам и террористам, за счет эффективного подбора, расста-

новки, специального обучения, повышения квалификации и переподготовки сотрудников. По линии международного взаимодействия следует обеспечить непрерывный обмен информацией, а также легкий и беспрепятственный доступ к ее имеющимся носителям и появляющимся источникам (в частности, Институт международной политики по борьбе с терроризмом в г. Герцлия (Израиль) располагает крупнейшей в мире информационной базой о террористических организациях, их лидерах, активистах и совершенных ими терактах с 1988 г. по настоящее время), причем не только представителям силовых структур, но и ученым, занимающимся этой важной проблематикой: так, например, Справочник Аль-Каиды 1677-T 1D, изначально представлявший собой объемный компьютерный файл, случайно найденный в 2000 г. полицией во время обыска в г. Манчестере жилища ливийского программиста и террориста Абу Анаса аль-Либи, до сих пор нигде не опубликован полностью и недоступен исследователям, и только некоторые из переведенных с арабского языка текстов можно найти на официальном сайте Департамента юстиции США¹⁰.

В настоящее время в работе российских правоохранительных органов имеются заметные трудности и упущения, связанные с недостаточным знанием и пониманием явлений, тенденций и процессов, протекающих в затронутой нами области преступного поведения. В профилактической деятельности не используются научные знания о специфике ювенальной психологии и мировоззренческо-поведенческих особенностях молодых людей, не преодолены связанные с несовершенством действующего законодательства сложности и затруднения в оперативно-розыскной и следственной деятельности при установлении, разработке и доказывании вины вербовщиков и иных представителей иностранных и международных экстремистских и террористических сообществ [27, 28]. Сохраняются и недостатки в духовно-идеологической и воспитательно-патриотической работе с современной российской молодежью, а также в раскрытии и пресечении каналов финансирования терроризма и экстремизма [29, 30].

Деятельность по вовлечению молодых людей в террористические и экстремистские формирования невозможна без ее регулярного финансирования и иного ресурсного обеспечения. Современные пути и каналы финансирования терроризма и экстремизма повсеместно формируются благодаря привлечению криминальных сверхдоходов от наркотрафика, гомографика, контрабанды и незаконной торговли оружием и сырьем (нефтью, газом, углем, древесиной и др.). При финансировании вербовочной активности нередко используются криптовалюты (биткойны и альткойны) и хавала – возникшая в Индостане неформальная финансово-расчетная система, применяемая в наши дни в основном на Среднем Востоке, а также в мусульманских странах Африки и Азии – ввиду ее доступности, простоты и неподконтрольности государственным органам власти. Современные политические и криминологические реалии показывают, что вовлечение молодежи в наиболее опасную форму экстремизма – терроризм хорошо организовано и часто получает мощную ресурсную подпитку, включая денеж-

ную, со стороны ряда акторов мировой политики, реализующих безнравственную и циничную доктрину «контроля и управления терроризмом». Выявление инейтрализация каналов такого финансирования с помощью международных средств и форм взаимодействия – прио-

ритетные задачи в деле борьбы с террористической и экстремистской деятельностью, их реализация лишит систему вербовки и склонения ее материальной основы и резко сократит приток молодых кадров в террористические и экстремистские сообщества.

Примечания

- ¹ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1791379/?t>, <https://www.krsk.kp.ru/daily/26720.7/3745894/>, <https://life.ru/p/1526836>, <https://www.interfax.ru/russia/870516>
- ² URL: <https://ukraina.ru/20170411/1018521455.html>, <https://regnum.ru/article/2340002>
- ³ URL: <http://nac.gov.ru/publikaci/vystupleniya-i-intervyu.html>, <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3218>
- ⁴ URL: <https://kalin.cap.ru/news/2008/06/03/rolj-obschestvennih-vospitatelej-v-rabote-s-trudnim>
- ⁵ URL: <https://pravo.ru/news/206534/>
- ⁶ URL: https://www.pravda.ru/news/society/63925-mulla_tjumenskaja Oblast_ufsb_severnyi_kavkaz_ekstremist/
- ⁷ URL: <https://rg.ru/2024/03/27/set-pod-napriazheniem.html>, <https://www.kommersant.ru/doc/3070413>
- ⁸ URL: <https://kulturologia.ru/blogs/160923/57513/>, <https://360.ru/tekst/obschestvo/talibi-v-rossii/>
- ⁹ Netzwerkdurchsetzungsgesetz vom 1 September 2017 // Bundesgesetzbund. S. 3352, Online Safety Act 2023 // UK Public General Acts 2023. P. 50
- ¹⁰ URL: https://www.justice.gov/ag/manualpart1_1.pdf

Список источников

1. Routledge Handbook of Terrorism and Counterterrorism / ed. A. Silke. N.Y. : Routledge, 2019. 668 p.
2. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2021. 277 с.
3. Wieviorka M. From the «Classic» Terrorism of the 1970s to Contemporary «Global» Terrorism // Societies Under Threat. Cham : Springer, 2020. P. 75–85.
4. Давыдов В.О. О способах склонения, вербовки и иного вовлечения лица в террористическую деятельность с использованием ИТ-технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 2. С. 14–25. doi: 10.24412/2071-6184-2022-2-14-25
5. Nasiri O. Inside the Jihad: My Life with Al Qaida, A Spy's Story. N.Y. : Basic Books, 2006. 384 p.
6. Эрель А. Я была джихадисткой. Расследование в центре вербовочной сети ИГИЛ. М. : Кучково поле, 2018. 256 с.
7. Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations and Policy / ed. by O. Oliker. Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. 278 p.
8. Соснин В.А. Психология современного терроризма. М. : Форум; Инфра-М, 2017. 160 с.
9. Кепель Ж. Джihad: Экспансия и закат исламизма. М. : Ладомир, 2004. 466 с.
10. Голядин Н.П., Горячев А.В. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2. С. 37–40.
11. Bandura A. Aggression: A Social Learning Analysis. N.Y. : Prentice Hall, 1973. 266 p.
12. Weatherston D., Moran J. Terrorism and Mental Illness: Is there a Relationship? // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2003. Vol. 47, № 6. P. 698–713. doi: 10.1177/0306624X03257244
13. Gill P., Clemmow C., Hetzel F., Rottweiler B., Salman N., Van Der Vegt I., Marchment Z., Schumann S., Zolghadriha S., Schulten N., Taylor H., Corner E. Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology. 2020. Vol. 32. P. 51–78. doi: 10.1080/14789949.2020.1820067
14. Doosje B., Loseman A., Van den Bos K. Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69. P. 586–604. doi: 10.1111/josi.12030
15. Van Stekelenburg J., Oegema D., Klandermans P.G. No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective. Oxford : Blackwell Wiley, 2010. P. 256–274.
16. Кондратьева Т.С. Великобритания: радикализация мусульманского сообщества (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2008. № 4. С. 98–120.
17. Плещунов Ф.О. Политика мультикультурализма в Великобритании и радикализация мусульманской молодежи в стране // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 1. С. 100–108.
18. Gelfand M., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, № 3. P. 495–517. doi: 10.1111/josi.12026.
19. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? Honolulu : University Press of the Pacific, 2005. 178 p.
20. Hogg M.A. Self-Uncertainty, Social Identity and the Solace of Extremism // Extremism and Psychology of Uncertainty. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. P. 19–35. doi: 10.1002/9781444344073.ch2
21. Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность // Психология и право. 2017. Т. 7, № 2. С. 123–132. doi: 10.17759/psylaw.2017060210
22. Brugh C.S., Desmarais S.L., Simons-Rudolph J., Zottola S.A. Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadism-Inspired Terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. 2019. Vol. 6. P. 1–17. doi: 10.1037/tam0000123
23. Бовин Б.Г., Москвитина М.М., Бовина И.Б. Радикализация женщин: объяснительный потенциал социально-психологического знания // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 3. С. 97–107. doi: 10.17759/jmfp.2020090309
24. Шойбле М. Джihad: террористами не рождаются. М. : КомпасГид, 2012. 256 с.
25. Ениколовоп С.Н., Мкртчян А.А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 41–46.
26. Wood W., Wong F.Y., Chachere J.G. Effects of Media Violence on Viewers Aggression in Unconstrained Social Interaction // Psychological Bulletin. 1991. Vol. 109, № 3. P. 371–383. doi: 10.1037/0033-2909.109.3.371
27. Азаренок Н.В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы. Екатеринбург, 2021. 718 с.
28. Магомедов М.Д. Вовлечение молодежи в совершение преступлений экстремистского характера // Российский следователь. 2007. № 20. С. 29–31.
29. Дмитриев И.А. Новые тенденции финансирования терроризма и международная система борьбы с его финансированием // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 3. С. 47–63.
30. Хуэйянь Ш. Доклад FATF: формы финансирования терроризма // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18-1. С. 304–305.

References

1. Silke, A. (ed.) (2019) *Routledge Handbook of Terrorism and Counterterrorism*. New York: Routledge.
2. Kozachenko, I.Ya. & Korsakov, K.V. (2021) *Kriminologiya: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta* [Criminology: Textbook and Workshop for Bachelor's and Specialist's Degrees]. Moscow: Yurayt.

3. Wieviorka, M. (2020) From the "Classic" Terrorism of the 1970s to Contemporary "Global" Terrorism. In: *Societies Under Threat*. Cham: Springer. pp. 75–85.
4. Davydov, V.O. (2022) O sposobakh skloneniya, verbovki i inogo vovlecheniya litsa v terroristicheskuyu deyatel'nost' s ispol'zovaniem IT-tehnologiy [On the Methods of Inducing, Recruiting and Otherwise Involving a Person in Terrorist Activities Using IT Technologies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2. pp. 14–25. doi: 10.24412/2071-6184-2022-2-14-25
5. Nasiri, O. (2006) *Inside the Jihad: My Life with Al Qaida, A Spy's Story*. New York: Basic Books.
6. Erel, A. (2018) *Ya byla dzhihadistkoj. Rassledovanie v tsentre verbovochnoy seti IGIL* [I Was a Jihadist. An Investigation into the Heart of the ISIS Recruitment Network]. Moscow: Kuchkova pole.
7. Oliker, O. (ed.) (2018) *Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations and Policy*. Lanham: Rowman & Littlefield.
8. Sosnin, V.A. (2017) *Psichologiya sovremennoego terrorizma* [The Psychology of Modern Terrorism]. Moscow: Forum; Infra-M.
9. Kepel, G. (2004) *Dzhihad: Ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: The Trail of Political Islam]. Moscow: Ladamir.
10. Golyandin, N.P. & Goryachev, A.V. (2013) Motivatsii verbovki v ekstremistskie i terroristicheskie organizatsii [Motivations for Recruitment into Extremist and Terrorist Organizations]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 37–40.
11. Bandura, A. (1973) *Aggression: A Social Learning Analysis*. New York: Prentice Hall.
12. Weatherston, D. & Moran, J. (2003) Terrorism and Mental Illness: Is there a Relationship? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 47 (6). pp. 698–713. doi: 10.1177/0306624X03257244
13. Gill, P., Clemmow, C., Hetzel, F., Rottweiler, B., Salman, N., Van Der Vegt, I., Marchment, Z., Schumann, S., Zolghadriha, S., Schulten, N., Taylor, H. & Corner, E. (2020) Systematic Review of Mental Health Problems and Violent Extremism. *The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology*. 32. pp. 51–78. doi: 10.1080/14789949.2020.1820067
14. Doosje, B., Loseman, A. & Van den Bos, K. (2013) Determinants of Radicalisation of Islamic Youth in the Netherlands: Personal Uncertainty, Perceived Injustice, and Perceived Group Threat. *Journal of Social Issues*. 69. pp. 586–604. doi: 10.1111/josi.12030
15. Van Stekelenburg, J., Oegema, D. & Klandermans, P.G. (2010) No Radicalization Without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time. In: *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies. A Multidisciplinary Perspective*. Oxford: Blackwell Wiley. pp. 256–274.
16. Kondratyeva, T.S. (2008) Velikobritaniya: radikalizatsiya musul'manskogo soobshchestva (obzor) [Great Britain: Radicalization of the Muslim Community (Review)]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 4. pp. 98–120.
17. Pleshchanov, F.O. (2009) Politika mul'tikul'turalizma v Velikobritanii i radikalizatsiya musul'manskoy molodezhi v strane [The Policy of Multiculturalism in Great Britain and the Radicalization of Muslim Youth in the Country]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 100–108.
18. Gelfand, M., LaFree, G., Fahey, S. & Feinberg, E. (2013) Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*. 69 (3). pp. 495–517. doi: 10.1111/josi.12026
19. Hudson, R.A. (2005) *The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why?* Honolulu: University Press of the Pacific.
20. Hogg, M.A. (2012) Self-Uncertainty, Social Identity and the Solace of Extremism. In: *Extremism and Psychology of Uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell. pp. 19–35. doi: 10.1002/9781444344073.ch2
21. Oshevskiy, D.S. (2017) Kliniko-psichologicheskie aspekty vkhozhdeniya podrostkov v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' [Clinical and Psychological Aspects of Adolescents' Entry into Extremist and Terrorist Activities]. *Psichologiya i pravo*. 7 (2). pp. 123–132. doi: 10.17759/psylaw.2017060210
22. Brugh, C.S., Desmarais, S.L., Simons-Rudolph, J. & Zottola, S.A. (2019) Gender in the Jihad: Characteristics and Outcomes Among Women and Men Involved in Jihadism-Inspired Terrorism. *Journal of Threat Assessment and Management*. 6. pp. 1–17. doi: 10.1037/tam0000123
23. Bovina, I.B., Bovin, B.G. & Moskvitina, M.M. (2020) Radikalizatsiya zhenshchin: ob"yasnitel'nyy potentsial sotsial'no-psichologicheskogo znanija [Radicalization of Women: Explanatory Potential of Socio-Psychological Knowledge]. *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya*. 9 (3). pp. 97–107. doi: 10.17759/jmpf.2020090309
24. Schoibl, M. (2012) *Dzhihad: terroristami ne rozhdayutsya* [Jihad: Terrorists Are Not Born]. Moscow: KompasGid.
25. Enikolopov, S.N. & Mkrtchyan, A.A. (2010) Psichologicheskie posledstviya terrorizma i rol' SMI v protsesse ikh formirovaniya [Psychological Consequences of Terrorism and the Role of the Media in Their Formation]. *Natsional'nyy psichologicheskiy zhurnal*. 2. pp. 41–46.
26. Wood, W., Wong, F.Y. & Chachere, J.G. (1991) Effects of Media Violence on Viewers Aggression in Unconstrained Social Interaction. *Psychological Bulletin*. 109 (3). pp. 371–383. doi: 10.1037/0033-2909.109.3.371
27. Azarenok, N.V. (2021) *Evolyutsiya otechestvennogo ugolovnogo protessa kak proizvodstva kontinental'noy formy* [The Evolution of the Russian Criminal Process as a Continental Form of Proceeding]. Yekaterinburg.
28. Magomedov, M.D. (2007) Vovlechenie molodezhi v sovershenie prestupleniy ekstremistskogo kharaktera [Involving Youth in Committing Crimes of an Extremist Nature]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 20. pp. 29–31.
29. Dmitriev, I.A. (2017) Novye tendentsii finansirovaniya terrorizma i mezhdunarodnaya sistema bor'by s ego finansirovaniem [New Trends in Terrorist Financing and the International System of Combating Its Financing]. *Evraziyskiy Soyuz: voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*. 3. pp. 47–63.
30. Huiyan, Sh. (2018) Doklad FATF: formy finansirovaniya terrorizma [FATF Report: Forms of Terrorist Financing]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 18 (1). pp. 304–305.

Информация об авторе:

Корсаков К.В. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Korsakov, Cand. Sci. (Law), leading research fellow, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation); senior research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: korsakovekb@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2025;
одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 02.05.2025;
approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 31.07.2025.